

Глава 1: Его Земли

У него не было имени. Он родился в Запределье – ни от отца, ни от матери. Он родился от земли, и она текла через него, горячая в его крови. От камня появились его кости, от грязи появилась его плоть. Его мех – из земли, клыки и когти были вырезаны из черного стекла. Даже глаза мерцали драгоценностями, которые блестят на земле. Из грязи появилась его кровь, и многие голоса земли прошептали в его душу. Все это он знал, ибо земля рассказала ему. Все это он знал, как и про кровь, которая текла по его венам.

Он принадлежал земле с рождения, и она принадлежала ему. Все здесь. Ветер, который продувал его мех утром, хрустящий и прохладный, трепал его шерсть в качестве приветствия. Земля, которая трескается под тяжестью его шагов, пульсирующая знакомым пульсом, не похожим на его собственное сердцебиение. Красные звезды, которые блестели ему ночью, смотрели немигающими глазами, блески против бесконечной темноты. Даже сухая, желтая трава, которая росла тонкими пятнами на земле, была жесткой и намного более твердой, чем любая добыча, на которую он охотился. Это все его. Он был никем, но все было его. Эта земля принадлежала ему, и он утверждал это как свое право первородства.

Он был тих, но в нем была холодная сила. Наверное, теперь его территория была только в далеких землях, но он не боялся. Он не колебался. Он мог почувствовать, как этот мир зовет его, землю, которая хочет снова удержать его в своих сильных объятиях. Он ощущал пульс, его пылкое желание. Это был пульс мира, волнующихся морей, которые бросали волны на скалистые берега в спиральные горы, которые тянулись к небу. Все это взывало к нему, и яркое пламя, горящее в его груди, вызвало палящий ответ.

Он мог ждать. Ждать и становиться сильнее, пока все, что бросало ему вызов, умирало в фонтане крови. Пока никто не осмелился сопротивляться. Тогда он объявит на всю эту землю свое право первородства и наследства, требуемое законом. В конце концов, он жил с самыми жестокими законами; он жил по законам клыка и смерти.

Когда безбрежные красные равнины встретили скалистые холмы, он знал, что находится недалеко от своего логова. Пастбища были засушливыми, но там росли травы, которые мураки любили есть. Он шел, чтобы охотиться там, где добыча думала, что находится в безопасности. Возможно, другим пришлось бы следить за своей добычей, но он не нуждался в этом. Он чувствовал себя в земле, она была как его часть, как часть его зуб и глаз. Он чувствовал легкий танец их копыт, когда они кружили вокруг редкой лужи. Он чувствовал слабое сердцебиение, чувствовал их нежный жар. Это было легко, как дыхание, неуловимое, как мысль. Он чувствовал, и земля отвечала.

Все это он знал, когда шел с трупом, все еще перекинутым через плечо. Зверь, которого он убил раньше, теперь был пищей для трупов. Он оставил его в качестве напоминания, как заявление любому, кто слишком смел в его землях. То, что было слабым, сильный забирал. Это существо ничего не стоило.

Пока он думал, сухая, потрескавшаяся грязь его охотничьих угодий под ногами медленно превращалась в пуховое покрытие короткой травы и камней. Он шел среди знакомых скал. Камни были зубчатые и надвигающиеся, острые, но он прошел без усилий. Действительно, даже если его глаза были ослеплены кровью, а под ним сломалась нога, земля все равно повела бы его домой. Это была не уверенность, потому что уверенность подразумевает возможность неопределенности. Для него это был бесспорный поручитель. Пока под его ногами будет земля, он не умрет. Она не позволит ему.

Холм с кольцом мятлика вокруг наклонной скалы, указывающей в небо, был его. Он был достаточно видным, поднимаясь над холмистыми бугорками и нося корону из тика. Этот день он знал с самого рождения, потому что именно он его сделал. Он сформировал его из бесформенного камня черными когтями, вырезал его костью и чешуей. Это было его заявление на территорию, его знак на земле. Он трижды обходил вокруг него, обнюхивая землю, пока не был уверен, что ни один нарушитель не пройдет. Это было сделано притупленными движениями старой привычки, но он никогда не забывал быть настороже. Тусклый пульс в правой руке подтвердил это, даже если шрам уже давно исчез.

Он шагнул к стороне холма, где три тяжелых камня закрывали вход в его пещеру. Бросив свою жертву на землю и несколько раз помахав рукой, он прижался правым плечом к самому верхнему валуну и надавил, левая нога уткнулась в траву, правая нога толкала камень за его спиной. Хотя сначала он казался неуступчивым, он стиснул зубы и вздохнул, напрягая мышцы. С усилием скала смещалась, обнажая дыру шириной в две руки, достаточно большую для него и его жертвы. Это было его логово, вырытое в земле, земля окружала его, защищала его, держала его со всех сторон. Это место он звал своим домом всю свою жизнь. Когда он родился, именно там он спал в эту первую ночь. Когда он был ранен, именно там он спрятался, чтобы залезть его раны. Это был его дар от его прародителя, дом, и, самое главное, он был его.

Внутри было не темно. Когда он родился, яма была такой же большой, как и он, потому что именно там Земля сделала его. Но в ту ночь он вгрызлся в скалу своими когтями. С каждым ударом он утверждал, что земля принадлежит ему, и земля сдалась его доблести. Он убивал, он ел, и он рос, и его дом становился больше с ним. Скала и камень рассыпались перед его когтями, пока его логово не стало таким же большим, как сам холм, масса туннелей и комнат, растущих под землей. Таков был дар, который дал ему земля. Земля была им, и он был землей. Все, что он хотел, он знал, что у него это получится. Когда он нуждался в свете, земля давала его ему. Травы, которая росла в его доме, сияла синим светом по ночам, который усыплял его. Когда ему нужна была еда, земля давала ему еду. Травы, окружавшая холм, изобиловала добычей, и он пировал от злости, которую мог иметь только сильный. Он не принадлежал никому, кроме земли, и земля принадлежала ему одному.

Уложив свою добычу в свое логово рядом с ним, он копал землю под него, соскабливая ее, пока не вышли черные хлопья. Его некому было учить, но он знал это, потому что земля сказала ему. Он выжег искры из двух камней, и огонь он накормил травой и тушами деревьев. Разорвав на части мясо, приготовленное над пламенем, он разломил кости, и мозг выпал наружу. Кишки он оставил для приманки на охоту. В какой-то момент труп превратился в кучу раздробленной кости с некоторыми оборванными кусочками плоти. Теленок был хорошим ужином. Мясо было худощавым и сильным, он взял его силу. Это был закон: слабые отдавали ее сильным. Он утверждал, что слабые принадлежали земле, а земля принадлежала ему. Таково было его первородство. Такова была его воля.

Он бросил кусочки кости наружу для пира мух и личинок. Его желудок был полон пищи, его тело было уставшим, он подготовился ко сну. Выйдя наружу, он глубоко вздохнул, ничего не чувствуя в воздухе. Он знал эти земли; он был уверен, что никто не сможет убить его во сне. Даже до сих пор кровь пульсировала в его голове, и он издал холодный вопль ветра, глубокий и предупреждающий. Земля вернула его крик с угасающим эхом, и только тогда он лег, чтобы отдохнуть.

В ту ночь он крепко спал. Он не боялся теней, потому что земля предупредила его. Он не боялся смерти, потому что земля предупредила его. Земля не говорила, и он не проснулся. Красные звезды смотрели на землю снаружи, светлая голубая трава сияла в ответ, и прохладный туман, который носился на ветру, дрейфовал, как его мечты.

Ему снилось его рождение, то, как земля шептала свои секреты, когда дала ему форму. Как она говорила о духах и как он правил ими. Как она показала ему постоянный пульс окружающих его духов, который он мог чувствовать в своем сердце без глаз и ушей. Как она сказала ему грубые слова, которые звери никогда не говорили, и как она рисовала закрученные изображения далеких земель. Она обещала ему, что они тоже успеют. Он знал, что эти земли будут его, земля дала ему это. С черными линиями Маэса, которые украшали его тело, она сделала его. Она дала ему форму, и она дала ему власть.

Власть не принадлежала слабым. Но он не был слабым. Он был сильным, и он требовал свое право первородства. Такова была его воля.

Он проснулся, что-то пробудило его от сна. Его разум был острый, ясный, легко сбрасывая сонливость. С яростным огнем в животе он поднялся от сна, перекачав на ноги с легкостью инстинкта и встряхивая кровь в его мышцах. Его тело было на грани, его конечности напрягались, и сердце ускорялось. Горячий огонь горел сквозь него, когда он глубоко вздохнул, пытаясь успокоить разгневанную первичную часть.

Он проснулся из-за беспокойства в воздухе. Он почувствовал это на земле вокруг него, новое присутствие. Вот. На его землях ... Он чувствовал запах, запах в воздухе. Он был слабым, испорченным следами резкой металлической крови, но он мог все рассказать. Вот. На его территории. Его. Территория.

Эта первичная часть его разбухала, как потребность в контроле, этот базовый инстинкт господства превратил его кровь в бушующую бурю. Сияющий гнев поглотил всю причину, когда оскорбленная гордость наполнила его тело пламенем. Его ярость не оставила ничего неопределенного, не оставила для него другого пути.

Он мог видеть это сейчас в своем уме, ожидая, что будет. Он вынюхал бы этого злоумышленника и разорвал бы потом. Он разорвет их от шеи до живота и будет наблюдать, как они извиваются, когда его руки обернутся вокруг их горла. Кровь лилась и покрывала их славным цветом, их неудачное сердце было грубым и удивительно слабым, поскольку он держал его в ладони. Они умоляли своими стеклянными глазами, и он ломал их кости в ответ.

Его сердце сейчас бешено рвалось, его дыхание было коротким и оборванным, когда его мышцы сжались в едва сдержанном ликовании. Его когти затянулись в ожидании, согнувшись над невидимой петлей, когда он пробежал сухим языком над смертельными острыми зубами. Он видел это все, определенное как камень в своем сердце. Здесь лежало покаяние, что они будут платить за их высокомерие. Он отправил бы сообщение всем, что эти земли были его домом. Он отправил бы сообщение о том, что все заплатят.

С низким рычанием он следовал за запахом, каждый нерв был натянут до предела. Жилы на шее были натянуты, когда он рыскал, просматривая воздух с помощью практических движений естественного охотника. Он был хищником, и все его клетки свидетельствовали об этом. Он не нуждался в оружии, не нуждался в доспехах. Его когти, острые, как любой кинжал, были ему нужны. Его жесткая кожа, была ему нужна. Его тело, крепкое, как камень, было подарком от земли. Это все, что ему нужно, чтобы выжить.

Он чувствовал нарушителя на ветру, запах металла, крови и кожи и слабости, и не мог не испустить дикого восторга. Он бежал, и его мощные ноги оставляли клубы пыли позади него. Ветер был прохладным на жаркой коже, кровь гонялась прямо под поверхностью. Это чувство, это безудержное чувство. Свобода. Эта сила. Он любил это, это напряжение и эту нервозность, которая приводила его в пылающий костер. Это был восторг и эйфория, дикая, беспощадная

охота. Это чувство было тем, ради чего он жил. Он был создан для этого. Рожден для этого.

Создан для охоты. Рожден, чтобы убивать. Создан отнимать. Рожден завоевывать.

Он ощущал ее дух, пульсирующий слабо вдали. Зловоние наполнило его сознание, когда он закрыл глаза и повернул голову, обнюхивая воздух. Он следовал за запахом через зеленые холмы, а теперь и на плоские равнины. Он следовал за запахом мимо стад мураков и мимо свежих трупов с птицами и комарами, гудящими над ними, далеко, пока не добрался до края дальних земель. До тех пор, пока воздух с зеленым туманом становился все тоньше и яснее, до тех пор, пока запах смерти не навис над ним, как удушающий туман. Он подавил этот зверский страх и подошел поближе, отмахивая комаров и внимательно глядя на кружащихся птиц - трупоедов, прежде чем увидел фигуру вдали на высушенной земле.

Глаза сузились, взъерошившись, он завыл, выпустив гортанный крик, чтобы предупредить других, что произойдет, когда они войдут в его земли. Он сделает их примером. Они будут платить за этот вызов, это оскорбление, своей жизнью. Вот что он поклялся делать. Он ожидал ответа, ожидая вспышки ужаса, которая всегда приходила, когда он доходил до конца своей охоты. Он ничего не получил взамен.

Разгневанный и оскорбленный фигурой на равнинах, он напрягся, колеблясь лишь в течение нескольких минут перед тем, как броситься вперед. Не хватало места для охоты. Если бы это был враг, он встретил бы его в бою. Если бы это была просто добыча, он бы убил ее и проявил скудную силу. Больше ничего не было, больше ничего. Те, кто слабее, были убиты. Те, кто сильнее, были убийцами. Это был закон дальних земель. Это был его закон.

Он бросился к вещи, лежащей на земле с открытыми руками, когтями, готовыми пронзать, но что-то ударило его, прежде чем он смог приблизиться. Это была стена ужаса, отталкивающая его сознание, кричащая отступить. Только после того, как он оттолкнул желание, он почувствовал, что его пульс медленно успокаивается. И тут он понял, что знает это чувство. Что он чувствовал это раньше.

Это был ужас Феллов, паника, которая пришла с ними. Когда пурпурные раскаты пронеслись по небу, вся земля почувствовала их гнев, почувствовала их силу. Это принесло ему смерть, и поэтому естественная истерия побежала вперед, чтобы принести известие о неизбежной судьбе. Это была не аура доминирования или даже холодное давление бесполезности. Это было неуправляемое, первобытное безумие.

И это же безумие окружало это.

Он осторожно собрался, глаза и уши прислушивались к чему-либо, чтобы отбить атаку. Не ощущая ничего, он подпрыгнул, выпуская когти, готовые разорвать, клыки вырвались из его рта. Он не знал, что это за сила, не знал, что это за страх, но он был сильным. И это было в его землях. Для него было только одно значение, и никакая задача не осталась без ответа. Он поднял когти, чтобы пронзить.

Внезапно он остановился, его конечности замерли, и сердце застыло, как будто он ударился головой об камень. Он почувствовал, как его лицо стало слабым, а его руки падали на бок. Глаза его моргнули, и все вокруг размылось, когда его ум застыл от непонимания.

Знаки на его лице, он знал их. Он узнал эти черные узоры, их острые кривые и линии, похожие на зубы стольких маленьких ужасов.

Они были такими же, как и его собственные.

<http://tl.rulate.ru/book/15480/307805>